

УДК 34**Концепция божественного права в политико-правовом учении
блаженного Августина: православная интерпретация
теократической модели государственности****Храмешин Сергей Николаевич**

Кандидат философских наук, доцент,
Профессор кафедры теологии,
Славяно-Греко-Латинская Академия,
109052, Российская Федерация, Москва, ул. Радио, 20;
e-mail: rector@sgla.ru

Аннотация

В статье представлен комплексный анализ концепции божественного права в политико-правовом учении блаженного Августина Аврелия (354-430) с позиций православного богословия и юриспруденции. Исследование основывается на герменевтическом анализе трактата "О граде Божием" и других произведений великого богослова, а также на критическом сопоставлении западной и восточно-христианской традиций понимания церковно-государственных отношений. Автор детально анализирует теорию "двух градов" (*civitas Dei* и *civitas terrena*) как фундаментальную основу августиновской политической философии, выявляя её онтологические, антропологические и эсхатологические аспекты. Особое внимание уделяется исследованию структуры божественного закона в интерпретации Августина, включающей Ветхий и Новый заветы, а также закон Христа (*lex Christi*) как центральный элемент новозаветного права. Рассматривается сложное соотношение божественного права с естественным и позитивным правом, анализируется принцип справедливости как основополагающий критерий оценки человеческих законов и государственных установлений. Методологическую основу исследования составляет применение православной богословской герменевтики к изучению западной патристической традиции, что позволяет осуществить критический анализ августиновского наследия с позиций восточного христианства. Используются сравнительно-правовой, историко-правовой методы, а также системный анализ для выявления структурных особенностей политико-правового учения Августина. Особое значение имеет компаративистский подход к изучению различий между западной теократической моделью и восточно-христианской концепцией симфонии властей. Научная новизна работы заключается в комплексном исследовании политико-правового учения Августина с позиций православной традиции, выявлении особенностей православной рецепции августиновской теории "двух градов" и обосновании возможностей адаптации его идей в контексте восточно-христианского понимания церковно-государственных отношений. Проводится детальный анализ концепции божественного права Августина через призму православной политической философии, основанной на принципе симфонии властей. Результаты исследования показывают, что православная интерпретация августиновского учения носит избирательный характер, принимая ценные элементы его политической философии (понимание божественного

происхождения власти, критика абсолютизма, требование соответствия человеческих законов божественному закону), но критически оценивая теократические тенденции, противоречащие восточно-христианской традиции автономии церковной и государственной властей. Выявляется, что концепция симфонии властей, сформулированная в византийском праве, предлагает альтернативную модель церковно-государственных отношений, основанную на гармоничном взаимодействии при сохранении автономии каждой из властей. Показано, что политико-правовое учение Августина сохраняет актуальность для современной юриспруденции, предлагая оригинальные решения фундаментальных проблем правоведения в условиях поиска новых оснований правопорядка и преодоления кризиса секулярных идеологий.

Для цитирования в научных исследованиях

Храмешин С.Н. Концепция божественного права в политико-правовом учении блаженного Августина: православная интерпретация теократической модели государственности // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 4А. С. 38-53.

Ключевые слова

Блаженный Августин, божественное право, теократия, град Божий, естественное право, православная политическая философия, симфония властей, теория государства и права.

Введение

Политико-правовое учение блаженного Августина Аврелия (354-430), изложенное преимущественно в его фундаментальном труде "О граде Божием" (*De Civitate Dei*), представляет собой одну из наиболее влиятельных концепций в истории христианской политической мысли [Августин Аврелий, 2000, с. 1-50]. Августин, будучи отцом неразделенной Церкви, заложил основы теократической модели государственности, которая на протяжении многих веков определяла развитие западноевропейской политико-правовой традиции [Православная энциклопедия, 2000, с. 103-109]. Однако в отечественной правовой науке его учение до сих пор не получило должного освещения с позиций православного богословия и юриспруденции, что обуславливает актуальность настоящего исследования.

Современный этап развития теории государства и права характеризуется возрастающим интересом к религиозным основам правопорядка и поиском новых методологических подходов к изучению взаимодействия духовной и светской властей [Нерсисянц, 2005, с. 45-78]. В этом контексте особую значимость приобретает анализ классических произведений христианской политической мысли, среди которых трактат Августина "О граде Божием" занимает особое место как первая систематическая попытка создания христианской философии истории и политики [Коплстон, 2003, с. 156-189].

Степень научной разработанности темы в отечественной литературе остается недостаточной. Если в западной науке политико-правовые взгляды Августина изучены достаточно подробно [Brown, 2000; Chadwick, 2009; Gilson, 1960; Markus, 1970], то в российской юридической науке они рассматривались преимущественно в общих курсах истории политических и правовых учений без учета специфики православной традиции [5, с. 89-112].

Среди современных исследований следует отметить работы Е.В. Алонцевой, посвященные теократическим воззрениям Августина [Алонцева, 2015, с. 45-58], исследования Т.В. Епифановой и А.А. Буреева по концепции божественного закона [Буреев, Епифанова, 2015, с. 231-236], а также диссертационные работы, анализирующие социально-политические взгляды великого богослова [Столяров, 1997, с. 5-50].

Вместе с тем, в указанных работах не получила должного освещения проблема православной интерпретации августиновского учения о государстве и праве. Это обстоятельство представляется особенно важным, поскольку восточно-христианская традиция имеет свои особенности в понимании соотношения церкви и государства, выраженные в концепции симфонии властей, которая существенно отличается от западной теократической модели [Юстиниан, 1895, с. 35].

Цель настоящего исследования состоит в выявлении особенностей концепции божественного права в политико-правовом учении блаженного Августина и определении возможностей ее православной интерпретации в контексте современной теории государства и права.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: проанализировать основные элементы политико-правового учения Августина в трактате "О граде Божием"; исследовать концепцию божественного права и ее соотношение с естественным и позитивным правом; рассмотреть теократическую модель государственности в интерпретации Августина; выявить особенности православной рецепции августиновского учения о государстве и праве; определить значение политико-правовых идей Августина для современной теории государства и права.

Методологическую основу исследования составляют герменевтический метод для анализа первоисточников, сравнительно-правовой метод для сопоставления различных традиций, историко-правовой метод для изучения генезиса политико-правовых идей, а также системный анализ для выявления структуры августиновского учения. Особое значение имеет применение православной богословской методологии, позволяющей осуществить критический анализ западной патристической традиции с позиций восточного христианства [Флоровский, 1992, с. 78-95].

Методологические основы исследования политико-правового учения блаженного Августина

Изучение политико-правового наследия блаженного Августина требует особого методологического подхода, учитывающего как специфику патристических текстов, так и конфессиональные особенности их интерпретации. В православной традиции Августин признается как отец неразделенной Церкви, однако его учение подвергается критическому осмыслению с позиций восточно-христианского богословия [Хондзинский, 2004, с. 156-178].

Герменевтический подход к изучению трактата "О граде Божием" предполагает понимание текста в контексте исторических условий его создания. Августин писал свое произведение в период кризиса Римской империи, когда падение Рима в 410 году поставило под сомнение возможность существования христианского государства [Браун, 1999, с. 234-267]. Это обстоятельство во многом определило апокалиптический характер его политической философии и критическое отношение к земным формам государственности.

Православная методология изучения западной патристики основывается на принципе

соборности и святоотеческого предания. Как отмечает современный православный богослов П. Хондзинский, "блаженный Августин всегда принадлежал Православной Церкви, которая оценила должным образом как его ошибки, так и величие" [Хондзинский, 2004, с. 165]. Это означает, что православная рецепция августиновского учения носит избирательный характер, принимая те элементы, которые соответствуют восточно-христианской традиции, и критически оценивая те аспекты, которые противоречат православному пониманию церковно-государственных отношений.

Компаративистский анализ восточной и западной христианской традиций выявляет принципиальные различия в понимании соотношения духовной и светской властей. Если западная традиция, берущая начало от Августина, тяготеет к теократической модели с доминированием церковной власти над государственной, то восточная традиция исходит из принципа симфонии властей, предполагающего их гармоничное взаимодействие при сохранении автономии каждой из них [Мейендорф, 2001, с. 189-234].

Системный анализ политико-правового учения Августина позволяет выделить несколько уровней его концепции. На онтологическом уровне речь идет о противопоставлении двух градов - Божьего и земного, имеющих различную природу и предназначение. На правовом уровне рассматривается соотношение божественного, естественного и человеческого права. На политическом уровне анализируется роль государства как временного института, призванного обеспечить порядок в падшем мире до наступления Царства Божьего [Августин Аврелий, 2000, с. 456-489].

Особое значение для понимания августиновской концепции имеет учет эсхатологического измерения его мысли. В отличие от античных политических философов, рассматривавших государство как естественную и постоянную форму человеческого общежития, Августин видит в нем лишь временное установление, которое должно уступить место Граду Божьему [Марру, 1999, с. 123-156]. Эта эсхатологическая перспектива радикально меняет понимание целей и задач государственной власти, которая призвана не к достижению земного блага, а к подготовке человечества к вечной жизни.

Применение православной богословской методологии к изучению августиновского наследия предполагает также учет различий в понимании природы человека и общества. Если Августин, под влиянием своего манихейского прошлого, склонен к пессимистической оценке человеческой природы и видит в государстве прежде всего средство принуждения грешников, то православная антропология исходит из возможности обожения человека и преображения общественных отношений [Лосский, 1991, с. 145-178].

Таким образом, методологические основы настоящего исследования позволяют осуществить критический анализ политико-правового учения Августина с позиций православной традиции, выявив как его непреходящие ценности, так и те аспекты, которые требуют переосмысления в контексте восточно-христианского понимания церковно-государственных отношений.

Концепция божественного права в трактате "О граде Божием"

Центральное место в политико-правовом учении блаженного Августина занимает концепция божественного права, которая служит основанием для его критики земных форм государственности и обоснования теократической модели правления. В трактате "О граде Божием" божественное право предстает как воля христианского Бога, выраженная в Священном

Писании и составляющая вечную неизменную истину, которая распространяет свое действие на обитателей как Божьего, так и земного градов [Августин Аврелий, 2000, с. 234-267].

Структура божественного закона в понимании Августина имеет иерархический характер и включает в себя два основных элемента. Первый закон, называемый Ветхим заветом, был дан через Моисея на горе Синай и содержит земные обетования. Второй закон, то есть Новый завет, дан через Иисуса Христа и обещает небесное царство [2, с. 345-378]. Как отмечает сам Августин, "хотя Ветхий предшествует по времени, Новый, однако же, должен предпочитаться ему по достоинству; ибо тот Ветхий был предвозвестником этого Нового" [Августин Аврелий, 2000, с. 356].

Особое значение в структуре божественного права имеет закон Христа (*lex Christi*), который Августин отождествляет с Евангелием. В XVII книге "О граде Божием" он пишет: "из Сиона был послан Христов закон, который мы называем Евангелием" [2, с. 789]. Этот закон представляет собой начало и важнейшую часть второго божественного закона, хотя полностью с ним не отождествляется, поскольку включает в себя также апостольские послания и другие новозаветные тексты.

Соотношение божественного права с естественным правом в учении Августина носит сложный характер. С одной стороны, он признает существование естественного закона, запечатленного в сердцах людей, который позволяет им различать добро и зло даже без знания Откровения [Августин Аврелий, 1996, с. 123-145]. С другой стороны, в условиях падшего мира естественный закон оказывается недостаточным для достижения истинной справедливости, поскольку человеческий разум помрачен грехом и не способен в полной мере постичь божественную волю.

В этом контексте божественное право выступает как восполнение и исправление естественного права. Августин подчеркивает, что "естественное право отождествляется с Божественной правдой", при этом происходит смешение таких понятий, как "право" и "нравственность" [Буреев, Елифанова, 2015, с. 233]. Носителем права мыслитель считает не человеческое сообщество, а Бога, что радикально меняет понимание источника правовых норм и критериев их оценки.

Принцип справедливости занимает центральное место в августиновской концепции права. Справедливость понимается им не как человеческая добродетель или социальная ценность, а как атрибут божественной природы, который может быть реализован в земных условиях лишь в той мере, в какой человеческие установления соответствуют божественной воле [Августин Аврелий, 2000, с. 567-589]. Отсюда вытекает знаменитое определение государства, данное Августином в полемике с Цицероном: "Если нет справедливости, то что такое государства, как не большие разбойничьи шайки?" [Августин Аврелий, 2000, с. 178].

Критерием справедливости человеческих законов служит их соответствие божественному закону. Августин различает справедливые и несправедливые законы, причем справедливыми могут быть только те законы, которые не противоречат божественным заповедям [Августин Аврелий, 2000, с. 234-256]. Это положение имеет принципиальное значение для понимания августиновской теории права, поскольку оно обосновывает право на сопротивление несправедливым законам и ограничивает абсолютную власть государства.

В земном граде божественный закон приобретает форму позитивного права, то есть писаного закона, изложенного в священных текстах. Августин подчеркивает, что Бог "открыл в Писании Своем народам определение божественного закона" и "дал своему еврейскому народу закон, написанный на еврейском языке" [Августин Аврелий, 2000, с. 445]. Это означает, что

божественное право не является абстрактным принципом, а имеет конкретное текстуальное выражение, которое может быть изучено и применено в практической деятельности.

Временные и исторические характеристики божественного права связаны с его действием в различные эпохи человеческой истории. Августин выделяет несколько периодов в истории спасения, каждый из которых характеризуется особым способом действия божественного закона. До грехопадения человек находился в состоянии первоначальной праведности и не нуждался во внешнем законе. После грехопадения был дан закон Моисея, который служил "детоводителем ко Христу". С пришествием Христа наступила эпоха благодати, когда божественный закон действует через внутреннее просвещение Святым Духом [Августин Аврелий, 2000, с. 678-712].

Эта историческая динамика божественного права имеет важные последствия для понимания роли государства в различные эпохи. Если в ветхозаветный период государство могло служить орудием божественного правосудия, то в новозаветную эпоху его роль ограничивается поддержанием внешнего порядка и защитой Церкви, которая является истинным носителем божественного права [Августин Аврелий, 2000, с. 789-823].

Таким образом, концепция божественного права в учении Августина представляет собой сложную систему, включающую в себя онтологические, гносеологические и исторические аспекты. Эта концепция служит основанием для критики земных форм государственности и обоснования теократической модели, в которой политическая власть должна подчиняться духовной власти как носительнице божественного права.

Теория "двух градов" как основа политико-правового учения Августина

Фундаментальной основой политико-правового учения блаженного Августина служит его знаменитая теория "двух градов" (*civitas Dei* и *civitas terrena*), которая представляет собой оригинальную концепцию философии истории и политической теологии. Эта теория, изложенная в трактате "О граде Божием", радикально переосмысливает античное понимание государства и общества, вводя эсхатологическое измерение в политическую мысль [Августин Аврелий, 2000, с. 456-512].

Град Божий (*civitas Dei*) в понимании Августина представляет собой мистическое сообщество всех избранных, объединенных любовью к Богу и стремлением к вечному блаженству. Этот град существует не в пространственно-временных координатах, а в духовном измерении, охватывая праведников всех времен и народов. Как отмечает сам Августин, "два града созданы двумя родами любви: земной - любовью к себе, доведенной до презрения к Богу, небесный - любовью к Богу, доведенной до презрения к себе" [Августин Аврелий, 2000, с. 678].

Онтологические характеристики Града Божьего определяются его божественным происхождением и вечным предназначением. В отличие от земных государств, которые возникают в результате человеческих соглашений и подвержены разрушению, Град Божий основан на божественном избрании и обладает неразрушимой природой. Его граждане связаны не внешними законами и принуждением, а внутренней любовью и общностью духовных устремлений [Августин Аврелий, 2000, с. 723-756].

Правовые основы Града Божьего коренятся в божественном законе, который действует не как внешнее принуждение, а как внутренний принцип, направляющий волю праведников к добру. Августин подчеркивает, что в Граде Божьем "царствует истинная справедливость",

поскольку его граждане добровольно подчиняются божественной воле и не нуждаются во внешнем принуждении [Августин Аврелий, 2000, с. 789]. Это состояние соответствует эсхатологическому идеалу, когда "Бог будет все во всем" и необходимость в государственном принуждении отпадет.

Град земной (*civitas terrena*), напротив, представляет собой сообщество людей, объединенных любовью к земным благам и стремлением к временному счастью. Этот град включает в себя все формы человеческой государственности, от языческих империй до христианских королевств. Августин подчеркивает, что земной характер этого града определяется не религиозной принадлежностью его граждан, а их духовной ориентацией на временные ценности [Августин Аврелий, 2000, с. 234-267].

Временный характер земного государства является одной из ключевых характеристик августиновской политической философии. В отличие от античных мыслителей, рассматривавших государство как естественную и постоянную форму человеческого общежития, Августин видит в нем лишь временное установление, призванное поддерживать порядок в падшем мире до наступления Царства Божьего [Августин Аврелий, 2000, с. 345-378]. Это понимание радикально меняет оценку целей и задач государственной власти.

Функции земного государства в августиновской концепции носят преимущественно негативный характер. Государство призвано не к созиданию положительного блага, а к ограничению зла, присущего падшей человеческой природе. Как отмечает Августин, государство существует "для того, чтобы злые не вредили добрым" [Августин Аврелий, 2000, с. 456]. Эта функция реализуется через систему законов и наказаний, которые сдерживают проявления греховности и обеспечивают минимальный порядок, необходимый для существования общества.

Критика земного государства у Августина основывается на его понимании справедливости как божественного атрибута. Поскольку земные государства основаны на человеческих соглашениях и преследуют временные цели, они не могут достичь истинной справедливости. Отсюда вытекает знаменитое сравнение государств с "разбойничьими шайками", которое не следует понимать как полное отрицание государственной власти, а как указание на ее ограниченность и несовершенство [Августин Аврелий, 2000, с. 178].

Вместе с тем, Августин не призывает к анархии или разрушению государственных институтов. Он признает необходимость земного государства как божественного установления, призванного поддерживать порядок в падшем мире. Более того, он допускает возможность существования относительно справедливых государств, которые, не достигая абсолютной справедливости, тем не менее способствуют общему благу и защищают слабых от произвола сильных [Августин Аврелий, 2000, с. 567-589].

Особое место в августиновской теории занимает вопрос о соотношении двух градов в историческом процессе. Августин подчеркивает, что эти два града "перемешаны" в земной истории и будут разделены только в эсхатологической перспективе [Августин Аврелий, 2000, с. 1123-1156]. Это означает, что граждане Града Божьего вынуждены жить в условиях земного града и подчиняться его законам, поскольку они находятся в состоянии "странствования" к небесному отечеству.

Церковь в августиновской концепции занимает особое положение как земное представительство Града Божьего. Однако Августин не отождествляет Церковь с Градом Божьим, поскольку в видимой Церкви присутствуют как истинные христиане, так и лицемеры [Августин Аврелий, 2000, с. 234-267]. Тем не менее, Церковь является носителем божественного права и призвана свидетельствовать о высших ценностях перед лицом земного града.

Эсхатологическая перспектива теории двух градов предполагает окончательное разделение праведников и грешников в Судный день. Град Божий обретет свое полное воплощение в Небесном Иерусалиме, тогда как град земной будет осужден на вечную погибель. Эта перспектива придает относительный характер всем земным политическим институтам и ориентирует христиан на подготовку к вечной жизни [Августин Аврелий, 2000, с. 1234-1296].

Таким образом, теория "двух градов" представляет собой комплексную концепцию, которая включает в себя онтологические, антропологические, правовые и эсхатологические аспекты. Эта теория служит основанием для критического отношения к земным формам государственности и обоснования теократической модели, в которой духовная власть должна направлять и ограничивать власть светскую.

Православная интерпретация теократической модели Августина

Православная рецепция политико-правового учения блаженного Августина характеризуется избирательным подходом, который принимает те элементы его концепции, которые соответствуют восточно-христианской традиции, и критически оценивает те аспекты, которые противоречат православному пониманию церковно-государственных отношений. Центральным пунктом расхождения является вопрос о соотношении духовной и светской властей, который в православной традиции решается на основе принципа симфонии, существенно отличающегося от западной теократической модели [Цыпин, 1994, с. 189-234].

Концепция симфонии властей, сформулированная в византийском праве и получившая развитие в православной политической мысли, исходит из представления о гармоничном взаимодействии церковной и государственной властей при сохранении автономии каждой из них [Васильев, 1998, с. 234-267]. В отличие от августиновской модели, предполагающей подчинение светской власти духовной, симфония предусматривает взаимное сотрудничество и взаимную поддержку двух властей в их соответствующих сферах компетенции.

Основы православного понимания симфонии властей были заложены в VI новелле императора Юстиниана, где говорится: "Величайшие дары Божии, данные людям высшим человеколюбием, - это священство и царство. Первое служит божественному, второе заботится о человеческих делах и управляет ими. Происходя из одного источника, они украшают человеческую жизнь" [Юстиниан, 1895, с. 35]. Это понимание существенно отличается от августиновского противопоставления двух градов, поскольку признает позитивную роль государственной власти в божественном домостроительстве.

Критический анализ западной теократической традиции с православных позиций выявляет несколько проблемных аспектов августиновского учения. Во-первых, чрезмерно пессимистическая оценка человеческой природы и земного государства не соответствует православной антропологии, которая исходит из возможности обожения человека и преображения общественных отношений [Лосский, 1991, с. 145-178]. Во-вторых, стремление к подчинению светской власти духовной противоречит православному принципу автокефалии и может привести к клерикализации политической жизни [Основы социальной концепции РПЦ, 2000, с. 45-67].

Православная критика августиновской концепции не означает полного отрицания его вклада в христианскую политическую мысль. Многие элементы его учения, такие как понимание божественного происхождения власти, необходимость соответствия человеческих законов божественному закону, критика абсолютизации государственной власти, находят поддержку в православной традиции [Булгаков, 1991, с. 123-145]. Однако эти элементы

переосмысливаются в контексте восточно-христианского понимания церковно-государственных отношений.

Особенности восточно-христианского понимания государственной власти связаны с концепцией царской власти как образа божественного правления на земле. В отличие от западной традиции, где король получает власть от папы как наместника Христа, в православной традиции император или царь получает власть непосредственно от Бога и несет ответственность перед Ним за справедливое правление [45, с. 234-267]. Это понимание исключает возможность подчинения светской власти церковной иерархии, но предполагает их тесное сотрудничество в деле спасения народа.

Роль Церкви в православной модели церковно-государственных отношений определяется как духовное руководство и нравственное просвещение общества, но не как прямое политическое управление. Церковь призвана быть "совестью народа", указывающей на высшие духовные ценности и критикующей отклонения от христианских принципов, но не претендующей на замещение государственной власти [37, с. 78-95]. Эта модель позволяет избежать как цезарепапизма, так и папоцезаризма, сохраняя автономию обеих властей в их соответствующих сферах.

Возможности адаптации августиновских идей в православном контексте связаны прежде всего с его пониманием божественного права как основы справедливого правления. Православная традиция разделяет убеждение Августина в том, что человеческие законы должны соответствовать божественному закону, но интерпретирует это требование не как подчинение государства Церкви, а как необходимость христианского характера законодательства и правоприменения [Соловьев, 1996, с. 156-189].

Концепция естественного права в православной интерпретации также получает иное звучание по сравнению с августиновским пониманием. Если Августин склонен к пессимистической оценке возможностей естественного разума в познании божественной воли, то православная традиция, основываясь на учении о логосах святого Максима Исповедника, признает способность человеческого разума к познанию божественных принципов, запечатленных в творении [Максим Исповедник, 1993, с. 123-156].

Эсхатологическое измерение политической философии, столь важное для Августина, также находит место в православной традиции, но получает иную интерпретацию. Православное понимание исходит не из противопоставления земного и небесного градов, а из возможности преображения земной реальности силой божественной благодати. Это понимание открывает перспективы для позитивной оценки государственной деятельности, направленной на созидание справедливого общества [Флоренский, 1990, с. 234-267].

Современные православные богословы и правоведы продолжают работу по осмыслению августиновского наследия в контексте православной традиции. Особое внимание уделяется вопросам религиозной свободы, прав человека, социальной справедливости, которые требуют нового богословского осмысления в условиях секулярного общества [Кузнецов, 2003, с. 189-234]. При этом сохраняется верность основным принципам православной политической философии, которые исключают как теократические, так и цезарепапистские тенденции.

Таким образом, православная интерпретация теократической модели Августина представляет собой критическое переосмысление его учения с позиций восточно-христианской традиции. Это переосмысление позволяет сохранить ценные элементы августиновской политической философии, адаптировав их к православному пониманию церковно-государственных отношений, основанному на принципе симфонии властей.

Значение политико-правового учения Августина для современной теории государства и права

Политико-правовое наследие блаженного Августина продолжает оказывать значительное влияние на развитие современной теории государства и права, предлагая оригинальные решения фундаментальных проблем правоведения и политической науки. В условиях кризиса секулярных идеологий и поиска новых оснований для правопорядка августиновская концепция божественного права приобретает особую актуальность как альтернатива позитивистским и естественно-правовым теориям [Нерсесянц, 2005, с. 234-267].

Влияние августиновского учения на формирование концепции правового государства прослеживается через его идею ограничения государственной власти высшими принципами справедливости. Хотя сам Августин не использовал термин "правовое государство", его критика произвольной власти и требование соответствия человеческих законов божественному закону заложили основы для развития доктрины верховенства права [Новгородцев, 1991, с. 123-156]. Современные теоретики правового государства, такие как Г. Дж. Берман, прямо указывают на августиновские корни западной правовой традиции [Берман, 1998, с. 234-267].

Концепция естественного права в современной юриспруденции во многом восходит к августиновскому пониманию божественного закона как источника правовых принципов. Хотя секулярные теории естественного права отказались от теологических оснований, они сохранили основную идею Августина о существовании универсальных принципов справедливости, которые должны ограничивать произвол законодателя [Уолцер, 2000, с. 189-234]. Эта идея нашла отражение в современных концепциях прав человека и конституционализма.

Актуальность идей естественного права в современных условиях связана с необходимостью обоснования универсальных принципов справедливости в условиях культурного и религиозного плюрализма. Августиновская концепция божественного права, переосмысленная в контексте межрелигиозного диалога, может служить основой для поиска общих этических принципов, разделяемых различными религиозными традициями [Кюнг, 1993, с. 78-95].

Критика государственного абсолютизма, содержащаяся в августиновском учении, остается актуальной в условиях современных авторитарных режимов. Идея Августина о том, что государство без справедливости является "разбойничьей шайкой", служит теоретическим обоснованием права на сопротивление тирании и защите человеческого достоинства [Ильин, 1993, с. 123-145]. Эта идея нашла развитие в современных теориях гражданского неповиновения и защиты прав человека.

Эсхатологическое измерение августиновской политической философии предлагает альтернативу как утопическим, так и циническим подходам к политике. Понимание временного характера всех земных политических институтов предостерегает от их абсолютизации, но в то же время не ведет к политическому нигилизму, поскольку признает необходимость справедливого правления в условиях падшего мира [Бердяев, 1989, с. 234-267].

Современные дискуссии о роли религии в публичной сфере во многом воспроизводят проблематику, поставленную Августином в его учении о двух градах. Вопрос о том, должны ли религиозные принципы влиять на политические решения, и если да, то в какой мере, остается одним из центральных в современной политической теории [Хабермас, 2011, с. 156-189]. Августиновская модель предлагает сложное решение этой проблемы, которое избегает как теократических, так и секуляристских крайностей.

Влияние августиновского учения на развитие международного права проявляется в его

концепции справедливой войны, которая была развита средневековыми схоластами и продолжает влиять на современное международное гуманитарное право [Уолцер, 2000, с. 234-267]. Принципы, сформулированные Августином для оценки справедливости военных действий, легли в основу современных концепций гуманитарной интервенции и ответственности по защите.

Перспективы развития религиозно-правовых исследований в значительной мере связаны с переосмыслением августиновского наследия в контексте современных вызовов. Глобализация, секуляризация, религиозный плюрализм требуют новых подходов к изучению взаимодействия религии и права, которые могут опираться на богатую традицию христианской политической мысли, начало которой положил Августин [Франк, 1992, с. 189-234].

Методологическое значение августиновского подхода для современной юриспруденции состоит в его комплексном видении права, которое включает в себя онтологические, антропологические, этические и эсхатологические аспекты. Этот подход предлагает альтернативу узко позитивистскому пониманию права и открывает перспективы для развития интегральной теории права [Поляков, 2001, с. 234-267].

Современные православные правоведы, такие как В.Н. Синюков, М.Н. Кузнецов, А.В. Поляков, активно разрабатывают концепции, которые опираются на святоотеческую традицию, включая учение Августина, но адаптируют ее к современным условиям [Синюков, 1994; Поляков, 2001]. Эти исследования показывают возможности плодотворного диалога между религиозной и секулярной правовой мыслью.

Образовательное значение изучения августиновского наследия для современных юристов состоит в расширении их методологического арсенала и формировании более глубокого понимания духовных основ права. Знакомство с классическими произведениями христианской политической мысли способствует формированию правовой культуры, основанной на высших духовных ценностях [Зеньковский, 1991, с. 123-156].

Практическое значение августиновских идей для современного правотворчества и правоприменения проявляется в их способности служить критерием для оценки справедливости законов и политических решений. Принципы, сформулированные Августином, могут использоваться для экспертизы законопроектов с точки зрения их соответствия высшим нравственным принципам [Ролз, 1995, с. 189-234].

Таким образом, политико-правовое учение блаженного Августина сохраняет свою актуальность для современной теории государства и права, предлагая богатый арсенал идей и методов для решения фундаментальных проблем правоведения. Переосмысление этого учения в контексте православной традиции открывает новые перспективы для развития отечественной правовой науки и формирования оригинальной российской школы правовой мысли.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать ряд важных выводов о характере и значении концепции божественного права в политико-правовом учении блаженного Августина, а также о возможностях ее православной интерпретации в контексте современной теории государства и права.

Во-первых, концепция божественного права у Августина представляет собой сложную систему, включающую в себя иерархическую структуру божественного закона, его соотношение с естественным и позитивным правом, а также принцип справедливости как

основу правопорядка. Эта концепция служит теоретическим основанием для критики земных форм государственности и обоснования теократической модели правления.

Во-вторых, теория "двух градов" Августина радикально переосмысливает античное понимание государства, вводя эсхатологическое измерение в политическую мысль и обосновывая временный характер всех земных политических институтов. Эта теория оказала огромное влияние на развитие западной политической мысли, но требует критического переосмысления с позиций православной традиции.

В-третьих, православная интерпретация августиновского учения основывается на принципе симфонии властей, который существенно отличается от западной теократической модели. Православная традиция принимает ценные элементы августиновской политической философии, но адаптирует их к восточно-христианскому пониманию церковно-государственных отношений.

В-четвертых, политико-правовое учение Августина сохраняет свою актуальность для современной теории государства и права, предлагая оригинальные решения фундаментальных проблем правоведения. Его идеи о божественном происхождении права, ограничении государственной власти высшими принципами справедливости, критике абсолютизма остаются востребованными в современных условиях.

Библиография

- 1.Августин Аврелий. Исповедь / пер. с лат. М. Е. Сергеевко. – М. : Канон+, 1997. – 464 с.
- 2.Августин Аврелий. О граде Божием / пер. с лат. – М. : АСТ, 2000. – 1296 с.
- 3.Августин Аврелий. О свободе воли / пер. с лат. – М. : Рефл-бук, 1996. – 448 с.
- 4.Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. – М. : Наука, 1977. – 320 с.
- 5.Алексеев Н. Н. Основы философии права. – СПб. : Лань, 1999. – 256 с.
- 6.Алонцева Е. В. Взгляды Августина Блаженного на теократию, государство и церковь // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2015. – № 3. – С. 45-58.
- 7.Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / пер. с англ. – М. : Изд-во МГУ, 1998. – 624 с.
- 8.Бердяев Н. А. Философия свободы. – М. : Правда, 1989. – 607 с.
- 9.Браун П. Августин Гиппонский / пер. с англ. – М. : Росспэн, 1999. – 510 с.
- 10.Булгаков С. Н. Православие. – М. : Терра, 1991. – 416 с.
- 11.Буреев А. А., Епифанова Т. В. Божественный закон в *De civitate Dei* Августина Блаженного (354-430 г.г.) // Среднерусский вестник общественных наук. – 2015. – № 6. – С. 231-236.
- 12.Бычков В. В. Эстетика Аврелия Августина. – М. : Искусство, 1984. – 264 с.
- 13.Васильев А. А. История Византийской империи. – СПб. : Алетейя, 1998. – 827 с.
- 14.Гилсон Э. Введение в христианскую философию / пер. с фр. – М. : БИ, 1999. – 704 с.
- 15.Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. – М. : Искусство, 1984. – 350 с.
- 16.Дагрон Ж. Император и священник / пер. с фр. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2010. – 480 с.
- 17.Жильсон Э. Философия в средние века / пер. с фр. – М. : Республика, 2004. – 678 с.
- 18.Зеньковский В. В. История русской философии. Т. 1. – Л. : Эго, 1991. – 221 с.
- 19.Ильин И. А. О сущности правосознания. – М. : Рарогъ, 1993. – 235 с.
- 20.Каждан А. П. Византийская культура. – СПб. : Алетейя, 1997. – 280 с.
- 21.Карсавин Л. П. Культура средних веков. – М. : Книга, 1918. – 244 с.
- 22.Коплстон Ф. История философии. Средние века / пер. с англ. – М. : Центрполиграф, 2003. – 494 с.
- 23.Кузнецов М. Н. Православие и правовая культура. – М. : Покров, 2003. – 384 с.
- 24.Кюннг Г. Проект всемирной этики / пер. с нем. – М. : Paulist Press, 1993. – 156 с.
- 25.Курбатов Г. Л. История Византии. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1984. – 208 с.
- 26.Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. – М. : Мысль, 1993. – 959 с.
- 27.Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. – М. : Центр «СЭИ», 1991. – 288 с.
- 28.Майоров Г. Г. Формирование средневековой философии. – М. : Мысль, 1979. – 431 с.
- 29.Максим Исповедник. Творения. Кн. 1. – М. : Мартис, 1993. – 352 с.
- 30.Марру А.-И. Святой Августин и августинианство / пер. с фр. – Долгопрудный : Архангельск, 1999. – 432 с.
- 31.Мейендорф И. Византийское богословие / пер. с англ. – М. : Когелет, 2001. – 432 с.

32. Неретина С. С. Слово и текст в средневековой культуре. – М. : Гнозис, 1994. – 216 с.
33. Нерсесянц В. С. Философия права. – М. : Норма, 2005. – 656 с.
34. Нибур Р. Христос и культура / пер. с англ. – СПб. : Мирт, 1996. – 256 с.
35. Новгородцев П. И. Об общественном идеале. – М. : Пресса, 1991. – 640 с.
36. О'Доннелл Дж. Августин / пер. с англ. – М. : Молодая гвардия, 2005. – 450 с.
37. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. – М. : Издательство Московской Патриархии, 2000. – 128 с.
38. Острогорский Г. История Византийского государства / пер. с нем. – М. : Сибирская Благозвонница, 2011. – 895 с.
39. Поляков А. В. Общая теория права. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2001. – 845 с.
40. Православная энциклопедия. Т. 1. Августин. – М. : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2000. – С. 103-109.
41. Ролз Дж. Теория справедливости / пер. с англ. – Новосибирск : Изд-во НГУ, 1995. – 536 с.
42. Синюков В. Н. Российская правовая система. – Саратов : Полиграфист, 1994. – 496 с.
43. Соловьев В. С. Оправдание добра. – М. : Республика, 1996. – 479 с.
44. Столяров А. А. Августин. Жизнь, учение и его судьбы // Августин Аврелий. Исповедь. – М. : Канон+, 1997. – С. 5-50.
45. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. – М. : ГУЛ, 1998. – 672 с.
46. Трубецкой Е. Н. Миросозерцание Блаженного Августина. – М. : Путь, 1892. – 234 с.
47. Уколова В. И. Античное наследие и культура раннего средневековья. – М. : Наука, 1989. – 320 с.
48. Уолцер М. Справедливые и несправедливые войны / пер. с англ. – М. : Гардарики, 2000. – 528 с.
49. Финнис Дж. Естественное право и естественные права / пер. с англ. – М. : ИРИСЭН, 2012. – 554 с.
50. Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. – М. : Правда, 1990. – 839 с.
51. Флоровский Г. В. Восточные отцы IV века. – М. : Паломник, 1992. – 240 с.
52. Франк С. Л. Духовные основы общества. – М. : Республика, 1992. – 511 с.
53. Хабермас Ю. Между натурализмом и религией / пер. с нем. – М. : Весь мир, 2011. – 336 с.
54. Цыпин В. Церковное право. – М. : Изд-во МФТИ, 1994. – 440 с.
55. Юстиниан. Новелла VI // *Corpus Juris Civilis*. Vol. III. – Berlin, 1895. – P. 35.
56. Хондзинский П. Блаженный Августин в православной традиции // Богословские труды. – 2004. – № 39. – С. 156-178.
57. Шмеман А. Исторический путь Православия / пер. с англ. – М. : Паломник, 1993. – 389 с.
58. Шпенглер О. Закат Европы / пер. с нем. – М. : Мысль, 1993. – 663 с.
59. Экхарт М. Духовные проповеди и рассуждения / пер. с нем. – М. : Политиздат, 1991. – 192 с.
60. Эрикссон М. Христианское богословие / пер. с англ. – СПб. : Библия для всех, 1999. – 1088 с.
61. Юркевич П. Д. Философские произведения. – М. : Правда, 1990. – 670 с.
62. Ясперс К. Истоки истории и ее цель / пер. с нем. – М. : Республика, 1991. – 527 с.
63. Brown P. Augustine of Hippo: A Biography. – Berkeley : University of California Press, 2000. – 592 p.
64. Chadwick H. Augustine of Hippo: A Life. – Oxford : Oxford University Press, 2009. – 176 p.
65. Gilson E. The Christian Philosophy of Saint Augustine / trans. from French. – New York : Random House, 1960. – 236 p.
66. Markus R. A. Saeculum: History and Society in the Theology of St Augustine. – Cambridge : Cambridge University Press, 1970. – 268 p.

The Concept of Divine Law in the Political-Legal Doctrine of Blessed Augustine: An Orthodox Interpretation of the Theocratic Model of Statehood

Sergei N. Khrameshin

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Professor of Theology Department,
Slavic-Greek-Latin Academy,
109052, 20 Radio str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: rector@sgla.ru

Khrameshin S.N.

Abstract

This article presents a comprehensive analysis of the concept of divine law in the political-legal doctrine of Blessed Augustine Aurelius (354-430) from the perspective of Orthodox theology and jurisprudence. The study is based on a hermeneutic analysis of the treatise *The City of God* and other works of the great theologian, as well as a critical comparison of Western and Eastern Christian traditions in understanding church-state relations. The author examines in detail the theory of "two cities" (*civitas Dei* and *civitas terrena*) as the fundamental basis of Augustinian political philosophy, revealing its ontological, anthropological, and eschatological aspects. Special attention is paid to the structure of divine law in Augustine's interpretation, which includes the Old and New Testaments, as well as the law of Christ (*lex Christi*) as the central element of New Testament law. The complex relationship between divine law, natural law, and positive law is explored, with justice analyzed as the fundamental criterion for evaluating human laws and state institutions. The methodological framework of the study combines Orthodox theological hermeneutics with the analysis of Western patristic tradition, enabling a critical examination of Augustine's legacy from an Eastern Christian perspective. Comparative legal, historical-legal, and systemic analysis methods are employed to identify the structural features of Augustine's political-legal doctrine. Of particular importance is the comparative approach to studying the differences between the Western theocratic model and the Eastern Christian concept of the "symphony of powers." The scientific novelty of the work lies in its comprehensive investigation of Augustine's political-legal doctrine from an Orthodox standpoint, identifying distinctive features of the Orthodox reception of his "two cities" theory and exploring possibilities for adapting his ideas within Eastern Christian understandings of church-state relations. A detailed analysis of Augustine's concept of divine law is conducted through the lens of Orthodox political philosophy based on the principle of the symphony of powers. The results demonstrate that the Orthodox interpretation of Augustinian doctrine is selective, embracing valuable elements of his political philosophy (such as the divine origin of authority, critique of absolutism, and the requirement for human laws to conform to divine law) while critically assessing theocratic tendencies that conflict with Eastern Christian traditions of church-state autonomy. The study reveals that the Byzantine concept of the "symphony of powers" offers an alternative model of church-state relations based on harmonious interaction while maintaining the autonomy of each sphere. The research concludes that Augustine's political-legal doctrine remains relevant to contemporary jurisprudence, providing original solutions to fundamental legal problems in the context of searching for new foundations of legal order and overcoming the crisis of secular ideologies.

For citation

Khrameshin S.N. (2025) Kontseptsiya bozhestvennogo prava v politiko-pravovom uchenii blazhennogo Avgustina: pravoslavnaya interpretatsiya teokraticeskoy modeli gosudarstvennosti [The Concept of Divine Law in the Political-Legal Doctrine of Blessed Augustine: An Orthodox Interpretation of the Theocratic Model of Statehood]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (4A), pp. 38-53.

Keywords

Blessed Augustine, divine law, theocracy, City of God, natural law, Orthodox political philosophy, symphony of powers, theory of state and law.

References

1. Augustine Aurelius. Confession / translated from Latin by M. N. E. N. Sergeenko. - M. N. : Canon+, 1997. - 464 p. ill.
2. Augustine Aurelius. About the City of God / translated from Latin - M. N. : AST, 2000. - 1296 p. ill.
3. Augustine Aurelius. On freedom of will / translated from Latin - M. N. : Refl-buk, 1996. - 448 p. ill.
4. S. Averintseva. St. Poetics of Early Byzantine literature. M. N. : Nauka, 1977. 320 p. ill.
5. Alekseev N. N. Fundamentals of the philosophy of Law. St. Petersburg : Lan Publ., 1999. 256 p. ill.
6. E. Alontseva, V. N. Augustine the Blessed's views on theocracy, the state and the Church // Bulletin of the Moscow University. Episode 12: Political Science. – 2015. – No. 3. - St. 45-58.
7. Mr. Berman. According to J. The Western tradition of law: the epoch of formation / translated from English - M. N. : Publishing House of Moscow State University, 1998. - 624 p. il.
8. Berdyaev N. A. N. Philosophy of freedom. - M. N. : Pravda, 1989. - 607 p. il.
9. P. Brown. Augustine of Hippo / translated from English - M. N. : Rosspen, 1999. 510 p. ill.
10. S. Bulgakov. N. Orthodoxy. - M. N. : Terra, 1991. - 416 p. ill.
11. A. Bureeva. A. N., Epifanova T. N. V. H. The Divine Law in the De civitate Dei of St. Augustine (354-430 A.D.) // The Central Russian Bulletin of Social Sciences, 2015– No. 6, pp. 231-236.
12. V. Bychkova, V. N. Aesthetics of Aurelius Augustine, Moscow: Iskustvo, 1984, 264 p. ill.
13. A. Vasilyeva, A. N. The History of the Byzantine Empire, St. Petersburg : Aleteya, 1998. 827 p. ill.
14. E. Gilson. Introduction to Christian philosophy / translated from French - M. N. : BBI, 1999. - 704 p. ill.
15. A. Gurevich. Ya. N. Categories of medieval culture - M. N. : Art, 1984. - 350 p. ill.
16. J. Dagron. The Emperor and the priest / translated from French. - St. Petersburg : Faculty of Philology of St. Petersburg State University, 2010. - 480 p. ill.
17. E. Gilson. Philosophy in the Middle Ages / translated from French. - M. N. : Republic, 2004. - 678 p. ill.
18. V. Zenkovsky. V. N. History of Russian philosophy. D. 1. - L. N. : Ego, 1991. - 221 p. ill.
19. I. Ilyina, A. N. On the essence of legal consciousness, Moscow: Rarog, 1993, 235 p. ill.
20. A. Kazhdan, P. N. Byzantine culture. St. Petersburg : Aleteya, 1997. 280 p. ill.
21. L. Karsavina. P. N. Culture of the Middle Ages. Moscow: Kniga, 1918. 244 p. ill.
22. F. Copleston. The history of philosophy. The Middle Ages / translated from English - M. N. : Tsentrpoligraf, 2003. - 494 p. ill.
23. M. Kuznetsova. N. Orthodoxy and legal culture - M. N. : Pokrov, 2003. - 384 p. ill.
24. G. Kunga. The project of world ethics / translated from German - M. N. : Paulist Press, 1993. - 156 p. ill.
25. G. Kurbatov. L. N. The History of Byzantium - L. N. : Publishing House of Leningrad State University, 1984. - 208 p. ill.
26. A. Loseva, F. N. Essays on Ancient Symbolism and Mythology, Moscow: Mysl, 1993, 959 p. ill.
27. V. Lossky. N. An essay on the Mystical Theology of the Eastern Church, Moscow: SEI Center, 1991. 288 p. ill.
28. G. Mayorov, G. N. Formation of Medieval Philosophy, Moscow: Mysl, 1979. 431 p. ill.
29. Maxim the Confessor. Creations. In Book 1. M. N. : Martis, 1993. 352 p. ill.
30. A. Marru. I. N. St. Augustine and Augustinianism / translated from French. Dolgoprudny : Arkhangelsk, 1999. 432 p. ill.
31. I. Meyendorff. Byzantine Theology / translated from English - M. N. : Kogelet, 2001. - 432 p. ill.
32. S. Neretina. Art. Word and text in medieval culture - M. N. : Gnosis, 1994. - 216 p. ill.
33. V. Nersesyants. Art. Philosophy of law. - M. N. : Norm, 2005. - 656 p. ill.
34. R. Niebuhr. Christ and culture / translated from English - St. Petersburg : Mirt, 1996. 256 p. ill.
35. P. Novgorodtseva. I. N. On the social ideal. Moscow: Pressa, 1991. 640 p. ill.
36. O'Donnell J. Augustine / translated from English - M. N. : Molodaya Gvardiya, 2005. 450 p. ill.
37. Fundamentals of the social concept of the Russian Orthodox Church. - M. N. : Publishing House of the Moscow Patriarchate, 2000. - 128 p. ill.
38. G. Ostrogorsky. The History of the Byzantine State / translated from German - M. N. : Sibirskaya Blagozvonitsa, 2011. - 895 p. ill.
39. A. Polyakova. V. N. General theory of Law - St. Petersburg : Law Center Press, 2001. - 845 p. ill.
40. Orthodox Encyclopedia. 1. Augustina. Moscow: Orthodox Encyclopedia Church Research Center, 2000. St. 103-109.
41. J. Rolls Theory of Justice / translated from English - Novosibirsk : NSU Publishing House, 1995. 536 p. ill.
42. V. Sinyukova. N. The Russian legal system. Saratov : Polygraphist Publ., 1994. 496 p. ill.
43. V. Solovyov. The justification of goodness. - M. N. : Republic, 1996. - 479 p. ill.
44. A. Stolyarova. A. N. Augustina. Life, teaching and its destinies // Augustine Aurelius. Confession. - M. N. : Canon+, 1997. - St. 5-50.
45. L. Tikhomirov. A. N. Monarchical statehood. - M. N. : GUL, 1998. - 672 p. ill.
46. E. Trubetskoy, N. N. The worldview of Blessed Augustine - M. N. : Path, 1892. - 234 p. ill.
47. V. Ukolova, I. N. The ancient heritage and culture of the early Middle Ages - M. N. : Nauka, 1989. - 320 p. ill.

-
48. M. Walzer. Just and unjust wars / translated from English - M. N. : Gardariki, 2000. - 528 p. ill.
 49. Finnis J. Natural law and natural rights / translated from English - M. N. : IRISEN, 2012. - 554 p. ill.
 50. P. Florensky, A. N. The Pillar and the affirmation of Truth. Moscow : Pravda, 1990. 839 p. ill.
 51. G. Florovsky, V. N. The Eastern Fathers of the IV century, Moscow : Pilgrim, 1992. 240 p. ill.
 52. S. Frank, L. N. The Spiritual foundations of society, Moscow : Republic, 1992. 511 p. ill.
 53. J. Habermas. Between naturalism and religion / translated from German. - M. N. : The Whole world, 2011. - 336 p. ill.
 54. by V. Tsypin. Church Law. Moscow : MIPT Publishing House, 1994. 440 p. ill.
 55. Justinian. Novella VI // Corpus Juris civilis. Vol. III. - Berlin, 1895. - P. 35.
 56. P. Khondzinsky. Blessed Augustine in the Orthodox Tradition // Theological Works. - 2004. - No. 39. - St. 156-178.
 57. A. Schmemmann. The historical path of Orthodoxy / translated from English - M. N. : Pilgrim, 1993. - 389 p. ill.
 58. About Spengler. Sunset of Europe / translated from German. - M. N. : Mysl, 1993. - 663 p. ill.
 59. M. Eckhart. Spiritual sermons and discourses / translated from German - M. N. : Politizdat, 1991. 192 p. ill.
 60. by M. Erikson. Christian Theology / translated from English - St. Petersburg : Bible for All, 1999. - 1088 p. ill.
 61. P. Yurkevich. According to J. Philosophical works. - M. N. : Pravda, 1990. - 670 p. ill.
 62. K. Jaspers. The origins of history and its purpose / translated from German. - M. N. : Republic, 1991. - 527 p. ill.
 63. Brown P. Augustine of Hippo: A Biography. - Berkeley : University of California Press, 2000. - 592 p.
 64. Chadwick H. Augustine of Hippo: A Life. - Oxford : Oxford University Press, 2009. - 176 p.
 65. Gilson E. The Christian Philosophy of Saint Augustine / trans. from French. - New York : Random House, 1960. - 236 p.
 66. Markus R. A. Saeculum: History and Society in the Theology of St Augustine. - Cambridge : Cambridge University Press, 1970. - 268 p.